

Дмитрий ВОРОНИН

«ПРАВДА ЖИЗНИ»

1

Как обычно, после работы, когда овцы в загонах были накормлены и напоены, Фаяз зашёл в жилую пристройку к овчарне.

Жалейка лежал на диване перед телевизором и досматривал «Вести».

— Ну и жара сегодня на улице, даже у нас такое нечасто, — обратился Фаяз к своему бригадиру, усаживаясь в продавленное кресло под потёртым пледом.

— Это да, просто кошмар какой-то, мухи, и те не летают. Мозги плавятся от солнца. Самое время людям с ума сходить, — оторвал голову от подушки Жалейка.

— Что там говорят, Игорь? Скажи и мне, тоже знать буду. А то толком послушать, посмотреть совсем некогда.

— Какие тут новости? Новости сейчас в Сирии, — свесил ноги с дивана Жалейка.

— Всё воюют там?

— Воюют. Дикие люди.

— А что дикие, Игорь, расскажи? — Фаяз по-хозяйски налил себе чаю.

— Сам посуди, Фёдорыч. Вот объявили, что город какой-то от ваххабитов освободили. Так в нём несколько сотен рабов нашли. Баб да девок в основном, что в гаремах держали, но и мужиков хватало — пахали на них за баланду. Как это в наши дни возможно, чтобы рабы были, а? Рабство уже тысячу лет как отменили, законом запретили давно, а у них всё не как у людей. Вот и выходит, что дикие они, словно в первобытном строе остались. У нас за такое сразу башку открутили б. Русские — народ вольный, к рабству не приученный.

— Да, Игорь, твоя правда. Русский брат — крепкий человек, гордый. Владимир Ленин ещё говорил: «Мы не рабы, рабы не мы». Знаю, в школе учил. В Сирии Ленина не было, кто им скажет.

2

Жалейка пришёл наниматься на работу к Фаязу по объявлению, которое обнаружил на одной из автобусных остановок в областном центре. На тетрадном листке, прилепленном скотчем к столбу, было написано: «Возьмём на работу в сельское предприятие молодого крепкого мужчину без вредных привычек, можно без опыта. Зарплата достойная. Жильём и питанием обеспечим». А Жалейке как раз именно жильё и питание — самое главное. После армии он обратно в родительский дом не пошёл, хватило тех лет, пока в школе учился. Пьяной жизни папаши натерпелся под завязку: скандалы да мордобой у парня в печёнках сидели. Сам к спиртному не притрагивался, запаха — и того не выносил. А уж чтобы дальше жить среди алкогольного угара, тут и разговора не было. Несколько лет Жалейка помыкался по съёмным квартирам и углам да с перекусами от случая к случаю. Работал то охранником, то сторожем, то на стройке, а то и просто на подхвате. Получал не ахти, а деньги расходовать на жильё, еду, одежду и прочие радости приходилось немалые. В итоге к тридцати годам Жалейка ни собственным углом, ни накоплениями, ни семьёй так и не обзавёлся. И перспектив никаких. Да и откуда им взяться, перспективам этим, если Жалейка в школе не усердствовал, а так, штаны протирал. Девять классов с грехом пополам закончил да в хабзайку подался. Он и помыслить тогда не мог, что это образование может полезным оказаться. Всё ему по юности мечталось о хлебной и романтической бандитской жизни. Папашины дружки-алкоголики часто рассказывали о воровском счастье, крутых тачках, податливых красавицах и вкусной еде. Жалейка их слушал, раскрыв рот, но голова всё же соображала. Как-то не вязались эти байки с тем, что

из себя представляли горе-рассказчики. Потом о службе в полиции задумался и даже сразу после армии на несколько месяцев туда пристроился, но ушёл. А всё из-за этой чёртовой жалости, что в нём с детства поселилась. Не мог Жалейка руки на более слабого поднять. На равного мог — до остервенения бился, а вот на слабого... Опускались руки, и всё тут. А как с таким никчемным качеством в бандиты или менты? Там сила в почёте и беспредел. Потому и кличку такую за собой таскал, что каждый раз, когда жёсткости от него ждали, произносил: «Жалко».

А ещё у Жалейки качество в характере было — справедливому хозяину честно служить. Фаяз эту его черту сразу ухватил и к Жалейке по-особому относился, со снисходительным уважением. Позволял ему то, что другим работникам было заказано. Жалейка, к примеру, и лежать мог при Фаязе, и чай пить с ним запросто. Фаяз, как только Жалейку увидел, сразу к нему расположение почувствовал. Здоровый, высокий, под два метра, розовощёкий молодой мужик, веса в котором больше центнера. Хороший работник, крепкий. И взгляд открытый, прямой, без хитринки. Преданный работник. Голос уверенный, без подобострастия, с уважением к хозяину. Верный работник, защитит, если надо. Жесты такие же спокойные, размеренные, не дёргаемые, не суетливые. Честный работник, не вор. Уже через десять минут беседы Фаяз знал, что Жалейку из рук не выпустит, такие работники на улице не валяются. Такой работник на вес золота: доход хороший принесёт и предан будет, как алабай.

— Дам тебе, Игорь, поначалу испытательный срок три месяца — ну, так везде теперь, сам знаешь.

— Знаю, Фаяз Фархутдинович, — запнулся в имени Жалейка

— Ничего, Игорь, все трудно говорят имя моего отца, — улыбнулся Фаяз. — Называй меня Фёдор Фёдорович, можешь просто Фёдорович, так легче.

— Хорошо.

— Зарплата — девяносто процентов от той, что потом платить стану. Питание три раза, как сам захочешь. Мясо будешь брать со скидкой, молоко, овощ, банан-шманан какой, чай там, хлеб, сахар, макарон, крупу — всё по ценам, как на базе. Заходи в мой магазин, продавцам скажу, они тебе дадут сколько надо, запишут в тетрадь, в получку отдашь. Устроит тебя?

— Устроит, — согласно кивнул Жалейка.

— Жить будешь пока у овчарни, там пристройка хорошая, крепкая, в ней вода есть, мебель есть, телевизор есть, холодильник-морозильник есть, газ есть. Честно, запах немного — овцы рядом, но дихлофос-миклофос возьмёшь, побрызгаешь там-здесь, как в розах жить будешь. Через неделю туда селись, пока там ремонт сделаем. Неделю у бабки Насти, соседки моей, поживешь, я ей скажу. Покажешь себя, другую комнату дам, в своём доме. Согласен, Игорь?

— Согласен.

— По рукам, — протянул Жалейке свою толстую ладонь Фаяз.

— По рукам, — крепко пожал её Жалейка.

Работа у Жалейки пошла с первого дня. Все работники Фаяза как-то сразу признали Жалейку своим бригадиром и беспрекословно стали выполнять его указания. Новый начальник ни на кого не кричал, руками не размахивал, говорил спокойно, уверенно и смотрел на подчинённого так, что тому и в голову не приходило перечить. Единственный, кто его не признавал, это Сашка Дробок. Жалейку он просто возненавидел, после того как Фаяз к нему с новостью подошёл:

— Ты, Сашка, перейди с Нинкой в овчарню завтра, я ремонт в пристройке начну, — сверкнул новыми зубами Фаяз.

— Мне и без ремонта там хорошо, — заулыбался было Дробок.

— Ты не понял, — сощурил свои и без того узкие глазки Фаяз, — вы с Нинкой переезжаете в овчарню. Тут новый бригадир жить будет. Начальник твой.

— Это, брат, куда переезжаем, в какую овчарню, — вытянулось лицо у Дробка, — там же овцы да бараны одни?

— Ничего, бараны тоже живые твари. В твоей библии что написано? Возлюби тварей божьих, вот и возлюби, — нахмурился в ответ на Сашкино недоумение Фаяз. — Перегородку сегодня мужики у входа поставят, живи не горюй.

— Да ты чего, Федька, опупел, что ли, — подступил к Фаязу Дробок, — мы что, с Нинкой — скотина тебе, что ли?

— Скотина в загоне живёт, а вы с Нинэлей в комнате отдельной жить будете, совсем как падишахи. Люкс-номер заделаем.

— Какие ещё шахи, какой люкс? Ты чего, издеваешься? Пусть там твой бригадир селится. Мы же братья с тобой.

— Э, Сашка, какие братья-шматя? У меня Азиз брат, Акрам брат, а ты кто такой? Не хочешь в комнате под крышей жить — иди в поле, кто держит?

3

С того дня два лютых врага появились у Дробка: предатель Фаяз и его первый прихвостень Жалейка.

— Сожгу я их, Нинка, обоих сожгу, — грозился пьяный пятидесятилетний жилистый мужичок своей супруге, — не прощу Федыке. Обманул меня, урод, братом называл, а теперь со скотиной жить?!.. Сожгу его и баранов тоже сожгу!

— Чего грозишься зря, никого ты не сожжёшь, кишка у тебя тонка, — брезгливо морщилась жена. — У тебя только и храбрости, что меня колотить да скотину пинать.

— Заткнись, Нинка, урою, — замахнулся на жену Дробок, — сказано — сожгу, знает, сожгу. И этого его бригадиришку порешу. Суки, будут Дробка помнить. Федыка, гад, дома лишил, земли, на этого бугая променял. Не прощу ему!

4

Сашка Дробок ещё в школе Нинэль обхаживать начал, учились-то с разницей в год. Вот Сашка и присмотрел себе подружку-семиклассницу, веселушку с пухлыми щёчками, конопушками на носу да косой ниже пояса. Краса, что и говорить. Да и сам Санёк тоже не из последних был. Хулиган записной и неслух. Да и двоечник, каких поискать. Хотя учителя между собой говорили, что не без способностей парень, да вот ленив больно.

Сашка стал Нинку домой из школы провожать, портфель за ней носить. Бывало, соперников поколачивал, когда и Нинке доставалось, если она уж слишком явно улыбалась кому другому. Нинка его прощала, нравилось ей, что за ним, как за каменной стеной. Никто и не удивился, когда Сашка с Нинкой свадьбу сыграли, как только жених из армии вернулся. Хотя жили вместе ещё со школы. Хорошо ещё, ума хватило до совершеннолетия в поделе не принести. Зато потом...

Отыгрались по полной. Чуть ли не каждый год по ребёнку. За десять лет семерых наплодили. В районе их в пример ставили, как традиции соблюдать. Дробки всё это отмечали, конечно. Много праздников в доме стало: весело жить начали, с размахом. Тут и дни рождения, и именины, и Новый-Старый год с Рождеством и сочельником, Пасха, октябрьские, майские, День конституции, первое сентября, День печати и День строителя. Последний праздник чуть ли не главный, а как иначе — Сашка же в стройбате служил. Вот так, гуляя, Дробок и не заметил, как с постоянной работы скатился на поденщину у односельчан: кому огород перекопать, кому дров нарубить, кому забор выправить. Ну и оплата, соответственно, всё больше самогоном да вином дешёвым. У Нинэли и того хуже с работой дела обстояли. Даже не подрабатывала, рассчитывала только на декретные да на детские пособия. Каждую выплату праздновала и детей воспитывала: кому подзатыльника, а кому и пряника. Трудная жизнь у матери-героини.

В один из таких праздников Сашка батьке своему так по макушке врезал, что тот через месяц в могилу сошёл. Перед этим всё на голову жаловался, мол, памяти не стало, и трещит, зараза, постоянно. Умер себе и умер, никто и близко на Сашку не подумал, да и сам он забыл через три дня, что папаше по кумполу настучал — вино не поделили. Дробок отца схоронил и задумался, как дальше жить. Отец по инвалидности пенсию получал, вёл домашнее хозяйство, держал корову, поросёнка, кур-уток. Худо-бедно Дробки без еды никогда не были. А после смерти старика пенсию давать прекратили, и за скотиной смотреть некому стало. Сашке с Нинэлью недосуг — один калымит, другая у плиты стоит, а деткам и подавно не до животины: они по улице носятся до ночи да шкодят кругом, если глаза за ними нет. Вот Сашка корову и свёл к Фаязу, чтоб забот не было. Тот в деревне на квартире у бабки Насти жил и скотину на мясо у местных скупал, а когда и просто крал, если случай подворачивался. Дробка Фаяз почти не обманул, две трети суммы сразу заплатил, остальное в рассрочку договорились. Такое дело Сашка решил обмыть на радости, сумма-то приличной оказалась. Хоть Фаяз и не пил, но с Дробками посидеть за столом не отказался, будто чувствовал свою от них выгоду и прав оказался. Дружба быстро завязалась. Прощались, будто с пелёнок вместе.

— Друг ты мне, Федыка, теперь навеки. Мой дом — твой дом. Двери всегда тебе открыты, ночью придёшь, пустим, — обнимал пьяный Сашка Фаяза.

— И ты мне друг, Сашка, — радовался знакомству Фаяз, чувствуя начало важных перемен в своей жизни.

Деньги Дробок прогулял быстро и скоро загрустил. Глядя на поникшего друга, Фаяз начал ему помогать: приносить чуть ли не каждый вечер вино тому в дом, деток карамельками одаривать. Когда и ливера подбрасывал с маслами для супа. Порой за стол подсаживался и начинал Сашке на жизнь свою жаловаться.

— Пойми, Сашка, вот приехали мы к вам, как к братьям, с поклоном. Война нас проклятая с нашей земли выгнала. Не дай бог никому такого горя испытать. Всё потеряли в один час. Дом сгорел, землю бросили, скотину, еле ноги унесли. Сколько баранов у нас было — не сосчитать. Пришли безбожники, всё забрали. Мы голые оттуда бежали. Ничего не успели взять. Только детей, слава аллаху, удалось спасти. Ночью бежали, куда бежали — не понимали. Ноги сами к вам привели. Вы нам всегда братьями были. Со всей душой к нам, по справедливости.

— Да, мы такие, — приосанившись, соглашался пьяный Дробок, — последнее отдадим, а братьям поможем.

— Я знаю, вы щедрые. Вот плохо мне, Сашка, один я с детьми и женой. К кому идти, у кого помощь искать? — пускал слезу Фаяз.

— Ко мне иди, Федька, — плакал в ответ Дробок, — я тебе помогу, в беде не оставлю.

— Знаю, Сашка, ты настоящий брат. Все отвернулись, ты не отвернулся. Пустил в свой дом, за стол усадил, мясо в тарелку положил. К тебе пришёл со своим горем. Помоги, Сашка.

— Помогу, Федька, — вытирая слёзы, опрокидывал в себя стакан самогона Дробок, — вот те крест, помогу.

— Жить мне негде, Сашка, дети мои без тепла, ютятся где придётся. Сироты мы бездомные, родину у нас отняли. Скитаемся, как бомжи, по подвалам и чужим углам. На тебя вся наша надежда, Сашка.

— Что хошь проси, Федька, всё для тебя сделаю, — продолжал плакать Дробок. — Брат ты мне теперь, роднее нет.

— Пропиши нас, Сашка, у себя. Никаких денег не пожалею.

— Какие деньги, Федька. Для брата ничего не жаль. Всех пропишу, и тебя, и Айшу твою, и детей. Вы теперь и моя семья. Только, может, метров по закону не хватит на всех. Я-то в этом не понимаю ничего, отказать могут.

— Не проблема, Сашка, всё сам сделаю, у меня старший брат юрист, все законы знает, научит, как делать. Тебе только бумаги подписать да съездить туда-сюда к начальникам-мочальникам, остальное моя забота. Получится как надо — коньяка куплю, сам с тобой выпью, брат ты мне.

5

Фаяз с братьями покинули родную землю в поисках лучшей доли. Плохо там стало, когда русские ушли. Бедно. Работы нет, денег нет. Что делать? Баи назад вернулись, беки. У них всё счастье, деньги, власть, земля. Фаяз не из баев, и Айша не из рода беков. У братьев жёны тоже в роду простые. Значит, совсем плохо станет, ещё беднее жить будут. К баю на поклон идти надо, рабами сделают. Азиз, старший брат, семейный совет собрал. Решили: «Надо ехать всладе за русскими. У них страна большая, земли много, всем хватит. Сами там баями станем».

В Москву не поехали — шумно, дорого, деньги большие, занято всё, никто никому не верит — там им места нет. Поехали туда, где тихо, где земля за копейки, люди не злые. Поехали и не ошиблись. Поселились все в одном районе, но в местах разных, чтобы родство не на виду было. Азиз, старший брат, дома в милиции служил — уважаемый человек, законы знает, диплом юриста есть. Тут тоже быстро в люди вышел. Не глупого десятка, чужие мысли видит сразу. К нужному человечку всегда ключик подберёт. Кому «бакшиш-макшиш», кому «совет-мовет», кому «подарок-модарок». В партию подался, активистом стал, депутатом. Туда-сюда катается, людям помогает. Понравился начальникам — сельсовет в управление дали.

Младший, Акрам, на центральный рынок пошёл. На родине лавку имел, бизнес крутил, всё понимал: как торговать, как товар находить. Друзья у него везде были — вспомнили Акрама, позвали к себе, с важными людьми познакомили. Акрам всегда весёлый. Язык у него лёгкий, на месте не лежит, «шутками-мутками» сыплет. Нравится Акрам всем. Умеет мосты наводить. С тем плов-шурпу «покушал», с этим поговорил — связи быстро дело помогли наладить. Торговля бойкая пошла: и нужные люди с прибылью, и Акраму свой доход. Месяц-другой — и Акрам своей палаткой обзавёлся, своим товаром и своими продавцами — ходи-командуй. Процент платишь в срок — вообще проблем нет. Акраму всё привычно, всё нравится. Особенно девки. Крепкие, ядрёные, словно степные кобылицы. Акрам, как аргамак, топчется возле них целый день, копытом бьёт, всех их любит. У Акрама глаза всегда масляные — так ему сладко. Только жене, Медине, плохо. Психует из ревности, ругается, плачет. Акрам жену жалует, балует: колечки-серёжки ей дарит, на юг к морю летом отправляет — «пусть нервы успокоит».

А вот у Фаяза жизнь не так быстро в гору пошла, ему труднее всего оказалось. Ког-

да уезжали, всё заранее обговорили, кто за что в семье ответ держит. Азиз «за закон думает», чтобы семейные дела ущербом не обернулись, Акрам — за торговлю, чтобы прибыль была и жирный плов на столе, Фаязу определили землю добывать и скотину разводить. Самое сложное дело и самое долгое. Но зато и почёт в семье великий. Фаяз крепко старался, и Аллах воздал ему.

6

Фаяз слов на ветер не бросает: сказал — сделал. Там заплатил, тут хороший кусок баранины в подарок завернул, здесь машину помог продать подороже: чиновники тоже люди — понимают, когда к ним с душой. Месяца не прошло, а в Сашкином доме уже вовсю носились дети Фаяза. Айша на кухне первой хозяйкой стала. Нинэля только порадовалась такому обороту дел: какую ношу с плеч сбросила, теперь и в постели можно до обеда валяться — никто не орёт, каши не просит. Всё Айша на себя взяла. Двужильная жена у Фаяза оказалась на удивление Дробков.

— Санечка, — ластилась к мужу Нинка, — какой ты догадливый, что Фаяза прописал. Так теперь вольготно стало, прям надышаться не могу.

— А ты не знала? — хорохорился Дробок, обнимая пьяненькую жену. — Всегда с головой был. Всегда наперёд считаю все ходы. Фаяз пока дом будет строить, у нас тут тоже дворец заделает. И у Айши откормимся, как сыр в масле кататься станем.

7

Скоро Дробок увидел чертей, бегающих по потолку, и попал в больничку. У Нинки, Нинэля, не отстававшей от мужа по части выпивки, стали трястись руки и голова. Детей взяли под особый контроль органы опеки, а после выписки Сашки из дурдома и вовсе лишили Дробков родительских прав. По суду определили детвору на последующее усыновление.

— Продай, Сашка, дом, наймёшь хорошего адвоката, вернёшь детей, — успокаивал пьяного Дробка Фаяз, подливая ему в стакан из початой бутылки.

— А кому я его продам? Кто его тут купит, не город же? Работы нет, садика нет, школа далеко — никто сюда не поедет, — горестно качал головой папаша.

— Мне продай, я куплю. А сам тут живи, ты же мне брат, я тебя не обижу. Денег сразу много не дам, у самого нет, частями платить буду. Верись мне?

— Верю, Федька.

Фаяз все документы на дом с помощью Азиза так выправил, что и следов Дробков там не осталось, будто и не жили никогда. Сам Сашка вместе с Нинэлью бумаги подписали не глядя.

— Чего там читать, мы тебе, Федька, как себе, верим, ты нас никогда не подставлял.

Через пару месяцев деньги у Дробка закончились. Погуляли они с Нинэлей крепко, про адвоката и не вспомнили, начисто забыв, для чего дом продавали.

— Сашка, мне Айша жалуется, шумно от тебя с Нинэлей твоей стало, дети пугаются. Айша тоже нервничает, ей рожать скоро. Вы дерётесь, пахнет от вас плохо. Надо вам уходить в другое место. Купи себе новый дом.

— Куда уходить? Чего купить? — не понял Дробок.

— Дом себе купи новый и живи там со своей Нинкой. Пей, дерись, что хошь там делай. В моём доме места вам нет, — отрезал Фаяз.

— Ты чего, Федька? Ты же говорил, вместе жить будем. Клялся, что брата не выгонишь. Забыл, что ли?

— Я не гоню. Я заплатил тебе. Деньги есть, купи дом, живи отдельно. Друзьями станем, в гости друг к другу ходить будем, плов есть будем. Всем хорошо.

— На что я куплю, денег у меня нет.

— А куда дел?

— Прожили все деньги.

— Нехорошо, Сашка, дом не купишь. Ладно, брат мне был, выручу тебя. Переходи жить в гараж пока, там мастерскую тебе отдам. В ней всё есть: свет, тепло, плиту поставим, газ в баллоне, телевизор свой отдам. Всё как дома. Удобства все, лучше, чем у бабки Насти.

Фаяз Дробка не обидел, денег на новоселье подкинул и телевизор свой принёс в подарок.

Сашка новоселье отметил и Нинку справно поколотил, оставив на память недельный синяк под глазом.

— Надо же было мне, дураку, такую паскуду себе в жены выбрать. Всё пропила-проморгала. И детей, и дом, и участок, и скотину. Как жить-то с тобой после этого?

Фаяз вскоре тоже отметил своё новоселье. Пригласил земляков, человек двести,

в кафе «Лунный свет», которое открыл с братьями у автострады, баранов зарезал, лепёшек напёк, чаю наготовил, танцы-фейерверки устроил. Всё как полагается.

— Молодец, Фаяз, — нахваливали его земляки, — поднялся. Уважаемым человеком стал. Свой дом, земля, бараны, лошади. Настоящий бай!

Фаяз через год больше сотни гектаров земли в аренду оформил, овчарню новую построил и Сашку с Нинэлей в пристройку при овчарне переселил. Вот тебе и сторож, и пастух — двойная выгода. Да и с глаз Айши долой, чтоб не напоминали о том, чего она от них натерпелась.

— Сожгу я его, — шипел вслед Фаязу Дробок, сжимая в кармане кулак.

8

Жалейке Айсель сразу в душу запала. Как увидел её возле дома Фаяза год назад, так и высматривал постоянно, не мог налюбоваться. Айсель девушка видная: высокая, стройная, две косы ниже пояса и чёрные глаза, будто омут. Жалейка в них и утонул. Говорили — дурочка Айсель, ума короткого. Ну и что с того? Жалейка тоже не академик. Ещё говорили — порченная она, свои в жёны не возьмут. Жалейке и лучше — хоть шанс есть самому женихом стать. Правда, условие одно Фаяз назвал, но ничего, можно и принять его ради Айсель.

— Вижу, Игорь, нравится тебе наша Айсель, — улыбался за чаем Жалейке Фаяз. — Возьми её в жёны, хорошей супругой станет, верной, послушной. Вы оба красивые, красивые дети будут. Айсель много родит. Мы дом вам поставим, землю дадим. Бекком будешь. Почёт, уважение. Веру только поменяй. Айсель — сестра моя, нельзя ей в другую веру, строго у нас. А жить в доме с двумя богами — всё равно что в питомнике для собак, где лай с утра до вечера. Тебе всё равно — сам говорил, крестик только носишь. В церковь свою не ходишь, попу не веришь, меняй веру. Пойдём к мулле. Он с тобой поговорит, верить начнёшь, Аллаха полюбишь.

— Я подумаю.

— Думай, Игорь, думай, только не передумаешь, а то так без такой жены-красавицы останешься. Кто другой быстрее надумает. Жалеть потом всю жизнь будешь.

— Ладно, Фаяз, долго думать не буду, быстро решу. Я вот тебе что сказать хочу. Опять Дробок слышал пьяного, опять Нинке своей грозился тебя поджечь. Гнал бы ты его подальше — пустой человек, опасный.

— Э, Игорь, — с раздражением отмахнулся Фаяз, — брешет просто, как шавка, на меня. Куда он пойдёт потом, где жить будет? Сгинет совсем, пропадёт. Дробок знает, что моей добротой живёт, не укусит. Не бери в голову, о другом думай.

И Жалейка думал. Думал об Айсель, о будущем доме, о красивых детках в нём, о счастье своём, что благодаря Аллаху его настигло.

9

— Как день прошёл? — подавала вечером на стол мужу Айша.

— Хорошо. Только жарко очень, дышать нечем. А так нормально. Скоро свадьбу Айсель играть будем, — достал из казана добрый кусок мяса Фаяз.

— Ох, Фаяз, какую новость принёс! — расцвела улыбкой Айша. — Согласился Жалейка?

— Согласится, — заработал челюстями Фаяз, — неделя не пройдёт, к мулле пойдём. Я знаю. Видел сегодня его глаза. Он принял решение — Айсель будет его женой.

— Слава Аллаху!

— У тебя как? Ездил сегодня к Медине? Как они там? Помирились с братом?

— Медина злится на Акрама, хоть и помирились. Он ей золотой браслет купил, кольцо с камушком, прощения на коленях просил. Но она знает, долго не выдержит, опять с этими шалавами закрутит. Ну что за человек такой, ни одной юбки не пропустит. Опять, говорят, какая-то Наташа от него приبلудила. Уже сколько байстрючат настрогал, никак не угомонится. Медину понять можно. Плакала опять сегодня, говорила, что род позорит.

— Скажу ему, чтобы серёжки ей добавил и на море отправил, пусть нервы успокоит.

— Сколько можно полукровок разводить?

— Пусть, что с ним сделаешь? Уж лучше половина нашей крови, чем чужая совсем. Вырастут — к нам потянутся. Зов отцов, он сильный, на верный путь направит.

— Фаяз, слышала, Сашка опять грозился нас поджечь. Боюсь я, гони его совсем.

— Если выгоню, Айша, — то точно сожжёт, — сыто отрыгнул Фаяз, — а так просто пугает. Жить где станет? В тюрьме? Да и смотрит за ним Жалейка, не даст и спички

зажечь. Он, считай, свой, знает, кого охранять.

— Говорил с ним?

— Говорил. Насмешил он меня сегодня.

— Расскажи, чем? — вытерла полотенцем руки Айша, присев за стол напротив мужа.

— «Вести» смотрел, когда я пришёл. Говорит, дикость в Сирии: там рабов держат, женщин в наложницы отдают. Живут не по закону, за похлёбку работать принуждают. У нас, говорит, близко такого невозможно.

— Смешной, — улынулась мужу Айша, — смешной и глупый. Как Айсель. Как все русские, глупый: друг за дружку не держатся, веру свою не берегут, пьют, как свиньи, чуть что — кулаками машут.

— Правду говоришь, Айша. Давно они рабы. Пусть думают, что свободны. Мы-то с тобой знаем настоящую правду, Айша.

— Знаем. Фаяз, мы с тобой знаем. Эту правду жизни.

10

Ночью Фаяз метался на кровати. Снился ему кошмар: дети Дробка пытались пробраться в его дом и при этом жалобно мяукали. Они тёрлись возле забора в виде котят и слёзно умоляли: «Дядя Федя, дядя Федя, мы же твои дети. Ты живёшь богато, пусти нас в нашу хату. Дай поесть немножко, дай хотя бы крошку».

11

Жалейка стоял на крыльце своей пристройки и всматривался в звёздное небо. Ему казалось, что где-то там по Млечному пути бегут они с Айсель, крепко взявшись за руки, и счастливо смеются. Рядом летят два ангела-хранителя, а вослед доносятся детские голоса, голоса их будущих детей. И это видение казалось Жалейке всем смыслом жизни.

12

Дробок взял со стола спички, перебросил через плечо сумку с заготовленной пятилитровой канистрой, долгим тоскливым взглядом окинул спящую Нинку и, обречённо вздохнув, нетвёрдым шагом отправился из овчарни в душную ночь восстанавливать справедливость.

13

— Сука, руку пусти, — хрипел от боли Сашка, придавленный к земле коленом невесть откуда взявшегося бригадира.

— Что удумал, Дробок?! И детей тебе не жалко? — тяжело дышал в ухо Сашке Жалейка, не отпуская заломленную руку.

— А он моих пожалел, когда дома лишал?

— Твои живы-здоровы. Накормлены, в тепле, учатся. Да и не он это — ты сам во всём виноват. Пьянство твоё беспробудное. Давно по наклонной едешь. А теперь и до смертоубийства докатился?! Креста на тебе нет!

— Это на тебе креста нет, проданся за баланду, своих пинаешь, к басурманам примазываешься.

— Дурак ты, Дробок. Я просто честно работаю. И никому не продаюсь. Я их жалею. Плохо им, совсем плохо. Они-то в чём виноваты? Они к нам спасаться кинулись. Их дети наш язык учат, русские обычаи впитывают. Жили же когда-то вместе — горе и радости делили.

— Это ты на Айсель губу раскатал, все видят, — продолжал пыхтеть Сашка.

— И опять дурак ты, Дробок, — ослабил хватку Жалейка, почувствовав, как пар злости выходит из поверженного. — Сердцу не прикажешь.

— Может, и сам в басурманы подашься?

— Обвенчаемся, и Айсель Александрой станет. Я её так и зову, когда с ней разговариваю, — отпустил Сашку Жалейка. — Если на свадьбу приглашу, придёшь? Вы же теперь вроде как тёзки будете.

— А что, приду, если не шутишь, — опешил от такого оборота дел Дробок. Поднявшись с земли, он оттолкнул ногой канистру и принялся отряхивать грязь с колен.

В тот же миг с востока подул прохладный ветер, и откуда-то издалека донеслись глухие раскаты грома.

ЭЙНШТЕЙН

Иосиф Сигизмундович Сиропчик актёром в губернском театре числился замечательным, играл там с молодых времён и почти всегда с неизменным успехом. Аншлаги, букеты с признательными записочками, следы губных помад на щеках — всё это каждодневно пребывало в жизни заслуженного лицедея. Исключения выпадали только на сроки болезней, отпусков и ремонта сцены. Ролей всяческих за свою долгую творческую жизнь Иосиф Сигизмундович опробовал немерено, от героев-любовников до царей и богов Олимпа. Да как отыграл, шельмец! Поклонники дарили ему коньяк и водку, виски и портвейн. Поклонницы, что в партере, что на галёрке, рыдали от восторга, всякий раз порываясь в конце представления забраться на подмостки и облобызывать своего кумира или удушить его в объятиях. Да и актриски особо не отставали. Как входили в раж, играя жён и любовниц героя в различных мелодрамах, так и после их окончания продолжали в засос целовать Сиропчика, закатывать ему скандалы, бить пощёчины и пытаться уехать к нему домой. Может, такую афёру кому-то и удалось бы в конечном итоге провернуть, если бы не Капа — законная супруга Иосифа Сигизмундовича. Капиталина слыла женщиной строгой, постоянной и решительной. К тому же и веса была солидного, не в пример всем этим комедианткам. Могла и прибить ненароком. Иосю Капа прибрала к рукам ещё до его поступления в театр, забрав пьяненьким исхудавшим студентиком из привокзального кафе, где работала на тот момент поварихой, к себе домой. Иосифу у Капы понравилось настолько, что он через неделю сделал ей предложение. С того момента все бытовые заботы покинули Сиропчика раз и навсегда. Правда, вместе с ними исчезла и возможность крутить романы на стороне, но с этой утратой Иосиф Сигизмундович быстро свыкся, предварительно получив от Капиталины несколько ударов скалкой по голове и заработав от неё же перелом носа и пару десятков фингалов.

Капиталина театр не любила, считала его рассадником разврата и являлась туда только по вечерам, чтобы отвезти своего благоверного в семейное гнездо, вырвав его из хищных когтей обожательниц.

— Ося, — грубо отталкивала она плечом очередную зазевавшуюся поклонницу, опять?

— Что ты, Капушка, — пьяненько улыбался супруге Иосиф, — и даже в мыслях ни-ни.

— Знаю я, какое ни-ни, тебя и на минуту оставить без присмотра нельзя, — выдёргивала Капиталина из рук триумфатора цветы и всучала ему взамен пару пакетов, наполненных продуктами, которые успевала купить в супермаркете напротив.

— Ты за своей Капой, как за китайской стеной, никакие цунами не страшны, — завидовали Сиропчику его бобыли-сослуживцы.

И всё бы хорошо, да только вот...

Практически от всех дурных привычек отучила своего Осю Капа, но не от спиртного. Тут Сиропчик проявил упорное сопротивление:

— Что ты меня последней радости жизни пытаешься лишить! — огрызался каждый раз Иосиф Сигизмундович на очередные попрёки со стороны жены, что вечно у него по вечерам зенки залиты. — И так полностью под тобой хожу, оставь хоть тут кусочек свободы. Я к тому же дома вообще ни грамульки в рот не беру без твоего разрешения. Только и отдыхаю, что на работе, где рюмочку-другую по ходу спектакля в себя опрокидываю. Вот и отстань хоть там.

Капиталина и отстала, махнув рукой на последнюю мужнину блажь.

Но вот в театре от такой блажи Сиропчика за многие годы откровенно устали. Иосиф Сигизмундович очень даже спокойно мог и на зрителей накинуться в середине последнего акта, находясь под парами водочки или портвейна:

— Чего припёрлись? Сидите тут, глазеете. На Сиропчика посмотреть? Нравится вам Сиропчик? Ну смотрите, где вы ещё такого гения увидите!

После подобных отступлений от репертуара администрация впадала в истерику, грозила лишить Иосифа Сигизмундовича тринадцатой зарплаты, всех премий и бонусов, отстранить от спектаклей и вообще уволить по статье за профнепригодность. Сиропчик винулся, на неделю прекращал прикладываться к стакану, но потом всё повторялось. Приходилось терпеть и дальше его выходки, понимая, что альтернативы герою-любовнику и царю-батюшке в труппе просто нет.

Однако, как только у бога Олимпа наступил пенсионный срок, директор театра Парнас Рожденевич Бубашвили тут же пригласил его в свой кабинет и сходу объявил:

— Всю, Ёсиф Сыгизмундыч, твой служба артыста в нашем театре закончылся, хоть

ты и гэний канэчна. Но зная тваи заслуги и любовь народа, мы тэбя нэ виганяем. Мы тэбя просим пэрэйти в суфлоры. Ты вэсь рэпэртуар, как сваи пят пальцев, знаэш, наизуст виучил, будиш падсказыват из бутки. Нэ спорь, ми тэбэ чэст аказываем. Главным суфлором дэлаем. Согласэн?

— Согласен, — тут же дал добро Сиропчик, представив себя полностью во власти Капиталины.

— Вот и замэчатэлно, — обрадовался положительному ответу Парнас Рожденович. — Праводым тэбя на пэнсию, как бога! Паздравым со всэм уважэнием. А чэрэз нэдэлю занймай бутку, она твая. Ужэ сэчас можэш сматрэт новая место.

Иосиф Сигизмундович не стал оттягивать процесс освоения нового места работы, отнёс в суфлёрскую кабину из своей гримёрки любимый стул, подобрал удобную подушку и даже умудрился прикрепить к стене навесной столик под графин с водой. В общем, создал себе максимально приемлемые условия для долгого малоподвижного нахождения в стеснённом пространстве.

Поначалу за Иосифом Сигизмундовичем оставили почти такую же зарплату, что он получал в актёрах, но с условием ежедневной озвучки текстов.

— Будешь начитывать все мои сложные пьесы, — наставлял его главреж Сакалаускас. — Но ничего, Ёсеф, ты — человек опытный, почти весь репертуар наизусть знаэш, справишья.

— Мишка, всё будет нормалёк с моей стороны, — чокнулся с Миндаугасом фужерами Сиропчик. — Главное, чтобы актёришки повторяли правильно, а так, ноу проблем.

— Особое внимание нашей приме Афродите Снежной.

— Фроське, что ли?

— Ну да, Афродите. Ты же понимаешь, за ней стоит Парнас Рожденович, поэтому сбоев быть не должно, от этого и наш гонорар зависит, и наше место. Память у неё короткая, роли не запоминает, что будешь ей в уши вдувать, то и в зал улетит.

— Да знаю я эту Снежную, как облупленную, не раз вместе на сцену выходили. Мозгов никаких совершенно. Я этой дуре и во время спектакля постоянно её текст наговаривал. Бездарная пустышка.

— Тс-с, — опасливо покосился на дверь Сакалаускас, — Может, мозгов у Афродиты и нет, зато Парнас Рожденович есть и формы какие! Пальчики оближешь. На неё мужики из прокуратуры и следственного изолятора ходят. Сам губернатор букет присылает, так что...

— Это конечно, формы у неё волнительные, почти как у моей Капы, тут не поспоришь. Ей бы на рынке торговать, цены б бабе не было.

— На рынок её нельзя, — улыбнулся главреж, — складывает плохо, проторгуется.

— Судя по ору из бухгалтерии после выдачи зарплаты, со счётом у неё всё в порядке, — ещё раз чокнулся с Сакалаускасом Иосиф Сигизмундович.

— Да ладно тебе, Ёсеф, пусть играет, жалко, что ли. Твоё дело теперь — подсказать вовремя, а не рядом с ней на сцене прыгать, — закусил коньячок ломтиком лимона Сакалаускас.

Через пару месяцев Афродита Снежина ластилась к директору Бубашвили

— Ой, Парнастик, какой ты шутник, оказывается. Сиропчика в конуру, как дворнягу какую, загал. Там ему самое место оказалось. Ещё б на цепь посадил, вообще прикормило было б на него смотреть. Ав-ав.

— Гы-гы-гы, — заржал Парнас Рожденович. — И мыску пэрэд мордай паставит. Гы-гы-гы.

— И косточку туда положить.

— Гы-гы-гы.

— Люблю тебя, Парнастик, — чмокнула в затылку директора Афродита.

— И я тэбя, Арфочка, — расплылся довольной улыбкой Бубашвили.

— Знаешь, Парнастик, мне теперь в сто раз лучше играется, когда Сиропчик в будке сидит. Я и слова не зубрю, и перегар его не нюхаю.

— А я тэбэ, Арфочка, всэгда гаварыл, что Ёсиф — гэний. Он что на сцэнэ, что пад сцэнай адынакава харош.

— Хи-хи-хи, шутничок ты мой.

— Шютка шюткой, но тэбэ же лэгчэ стало, да?

— Легче, золотце моё, намного легче.

Спустя ещё месяц прима-актриса жаловалась директору:

— Парнастик, Сиропчик пьёт, паразит. Я к концу спектакля сегодня уже задыхаться стала от его перегара. Сначала на партнёра подумала, что он на грудь принял для смелости. Бойтес меня обнимать на сцене. Но нет, не воняло от Безрукавкина. Подошла к будке специально, а оттуда разит, как из помойки, и глаза у Сиропчика красные.

— Харашо, пупсык, я с ным пагавару завтра, сэделаю внушэний.

– Сыгызмундыч, нэ пэй, да? – выговаривал Бубашвили стоящему перед ним суфлёру, утопая в директорском кресле. – От тэбя пэрэгар на вэс тэатр, слюшай. Афрадэга задыхается уже савсэм, скоро отравится, ты этого хочеш?

– Я не пью, Афродита наговаривает.

– Э, Ёсиф, знаю тэбя, – развёл руками Парнас Рожденович. – Прэмию нэ дам, оклад заныжу, еслэ паймаю.

Следующим вечером почти сразу после второго антракта из суфлёрской будки раздался такой мощный храп, что актриса Снежная аж вскрикнула от испуга, а публика разразилась безудержным хохотом и устроила бурные авации.

– Сиропчык, ты алкач, да? – в ярости вышагивал вдоль своего стола Парнас Рожденович, злобно посматривая в сторону виновато сидящего на стуле Иосифа Сигизмундовича. – Ты нэ можеш бэз водки, да? Ты спэктаклю чут нэ сорвал вчэра, храпэл на вэс зал! Чэго малчыш? На пэнсию савсэм захатэл? Гавары.

– Я не пил, – пробубнил в ответ Сиропчик. – Устал просто, постановка очень длинная, вот и уснул. С кем не бывает.

– Какой – устал проста? – остолбенел Бубашвили. – Какой – уснул? Какой эщо – с кэм нэ бывает? Са мной нэ бывает. Нэ пил он! Я сам лычно графын твой нухал и стакан тожэ. Водку пил!

– Враги, – ещё тише проговорил Сиропчик, – завистники. Они подлили.

– Какой – враги? – опешил Парнас Рожденович. – Какой – завыстныки? Ты эщо скажи, что это Афрадита тэбэ водку налила.

– Не знаю, не видел, может, и она, та эщё штучка, – прошептал суфлёр, упорно смотря под ноги.

– Ты что, савсэм идыёт? – заорал Бубашвили на бедного Сиропчика. – Ты эщо скажи, что это я тэбе чачу наливал. Вот что, Ёсиф, эщо раз уснеш на работа, потом будэш дома досыпат вмэстэ с Капай навсэгда. Понэл мэня, да?

– Понял.

– Ну и атлычна. А пака за табой началнык пажарной сюлжбы Падкарытав прысмотрит. Будэт пэрэд работай графын твой нухат и карманы сматрэт.

Месяц Сиропчик держался, ходил трезвым и хмурым. То ли жёсткий контроль Подкорытова повлиял на суфлёра, то ли перспектива остаток жизни провести исключительно в обществе Капы, но от Иосифа Сигизмундовича и на расстоянии нескольких метров совершенно не пахло алкоголем.

– Маладэц, Ёсиф, заслужыл прэмыню, – вручил персонально Сиропчику бонусный конверт Бубашвили.

Но уже через день раскрасневшаяся Афродита влетела в директорский кабинет и с ходу заорала:

– Парнастик, выгони немедленно эту дрянь из театра! Или он – или я!

– Что опят случился, дарагая?

– Эта скотина снова напилась и... – разрыдалась актриса, уронив голову на стол.

– Опят захрапэл? – нахмурился Парнас Рожденович.

– Хуже.

– Что эщо – хужэ?

– Дурой меня обозвал безмозглой.

– И ты павэрила, голуб мая крылатая?

– О чём ты говоришь, Парнас? – слёзы тут же исчезли на лице Снежной, превратив её в холодную королеву. – При чём тут – поверила? Он меня при всех актёрах оскорбил, весь зал слышал, хохотал, хлопал, «браво» кричал. Выгони его!

– Успокойся, мой лубов, сэйчас выганю.

Разъярённый Парнас Рожденович бросился в суфлёрскую. Виновника скандала на месте не оказалось, и директор накинулся на Подкорытова.

– Гдэ этот свиня?

– Домой убежал, как только закрыли занавес.

– Пяный? Как мог напытса! Ты куда сматрэл? Карманы провэрал? Графын нухал?

– И проверял, и нюхал, не было спиртного.

– В пэрэрыв в буфэт хадыл?

– Никуда не ходил, в будке сидел.

– Тагда как?

– Не знаю, – пожал плечами Подкорытов.

– Завтра всё абыщи, провэр каждый шолка. Глаза с нэго нэ пускай.

Вернувшись в кабинет, Бубашвили нашёл там успокоившуюся Афродиту.

– Выгнал?

– Нэт. Нэ был его, дамой удрал.

– Завтра выгонишь?

– Сразу нэ магу, Арфочка, нада паймат, как на работэ пьёт, – виновато поцеловал

ручку своей пассивности Парнас Рожденович. — Эсли бы на рынке работал у мэня, кагда я там дыректор биль, в одын сыкунд уволил би. И штраф эщо дал, и в морду. А тут нэ магу, интэлэгэнсыя, чорт её.

Две недели к ряду Сиропчик являлся в театр трезвым, а покидал его, что называется, на бровях, но обнаружить тару, из которой он пил, так и не удавалось. Его обыскивали, не пускали в буфет, отслеживали каждую его встречу с работниками театра — всё впустую. Результата по выявлению алкоголя не было, а перегар был.

— Назначаю прэмию, кто Сыропчыка с бутылкай паймаэт. Тры аклада и бонус, — пообещал Бубашвили.

Восьмого марта играли «Чайку». В финальной части Снежная в роли Нины Заречной эмоционально признавалась Константину Треплеву со слов Сиропчика, доносившихся из суфлёрской:

— Я мелочная, ничтожная актриска, играю совершенно бессмысленно. Я не знаю, что делать с руками, они у меня словно грабли, сами по себе. Так и не научилась стоять на сцене, владеть голосом, память никакая, всё по подсказке. Короче, полная бездарность! И, главное, ведь понимаю, что играю ужасно, а всё равно прусь на сцену. Какая я чайка — я галка залётная. Нет, не то... Голова что-то совсем не варит. Одна пустота. О чём это я? А, о сцене... Я думала, что уже настоящая актриса, что я — чайка, но вы-то знаете, что это ложь. Моё истинное предназначение — у прилавка стоять. Это мой путь, это мой крест.

Треплев в изумлении отвечал Афродите, еле сдерживая хохот:

— Да, вы нашли свою дорогу, вы теперь знаете, куда вам идти. Может, и мне с вами?

— Я пойду одна. Я есть хочу. Прощайте.

Занавес дали чуть раньше, не дожидаясь конца пьесы. Зал ревел от восторга и требовал на бис, Снежная билась в истерике на руках Бубашвили, а Сиропчик, подняв воротник пальто, шёл, пошатываясь, к метро и плотоядно улыбался.

— Я нашёл, я нашёл! — с победным криком ворвался в кабинет к Парнасу Рожденовичу Подкорытов. — Я вычислил и нашёл!

— Что нашоль? — вонзил в «пожарника» суровый взгляд Бубашвили.

— Тайник Сиропчика нашёл!

— Гдэ? Вэди, показывай, как нашоль!

— Да я тут случайню узнал, что Сиропчик, оказывается, два раза в день наведывается в театр. Вечером, понятное дело, на работу, а ещё и утром является всего на полчаса, вахтёр проболтался. Никуда не заглядывает, а напрямик на сцену. Походит туда-сюда и назад. Мне подозрительным показалось, чего утром-то шастать по пустому залу, вот и решил проследить.

Сегодня, как только рабочие пришли, спрятался в ложу. Сижу, жду. Появляется через какое-то время Сигизмундыч, ну, я в прореху подсматриваю, что делать станет. Он туда-сюда прошёлся, остановился у занавеса, постоял пару минут, поправил там что-то и исчез. Я ещё подождал для конспирации, ну и туда. И вот! — Подкорытов расправил занавес и гордо указал пальцем вниз.

На уровне колена Бубашвили к занавесу был пришит потайной карман из такого же материала, что делало его совершенно незаметным. Парнас Рожденович наклонился к накладке и засунул внутрь руку.

— Опа! — извлёк он наружу поллитру водки, покрутил её перед собой и непонимающе уставился на Подкорытова. — А как он пьёт, эсли в буткэ сэдит?

— Занавес прикажите закрыть.

— Закрывай, — скомандовал директор работнику сцены.

Огромное полотно бесшумно заскользило вдоль ramпы. Когда занавес остановился, потайной карман оказался ровно перед окошком суфлёра.

— Вах! — изумлённо выдохнул Парнас Рожденович. — Как в кино! Эщо павтари, — занавес разъехался. — Давай назад! — полотно вернулось к будке. — Вах! — восторженно хлопнул в ладоши директор. — Как в рэстаранэ, прама к сталу! Давай опят... Вах! Давай сначал... Вах!

Бубашвили спустился в будку и оттуда ещё минут десять раздавалось:

— Закрывай! Вах! Открывай! Вах! Закрывай! Открывай! Вах....

При этом каждый раз звучал счастливый, почти детский, смех.

— Наверное, уволите теперь Сиропчика, — сочувственно шмыгнул носом Подкорытов.

— Нэ в коэм случаэ! — энергично замотал головой Парнас Рожденович. — Нэ в коэм случаэ! Ёсиф — валшэбнык! Он — талант! Он настоящий Эйнштейн! Сыропчык до самай смэрты в тэатрэ работат будэт, как Пушкин. Он — гэний!

НА ПАСХУ

1

Дядька Агафон жил в посёлке Миньково, что каким-то чудом сохранился внутри Москвы нетронутым загребущей рукой столичного застройщика. Настоящая подмосковная деревня, окружённая со всех сторон высотными кварталами. Добрая половина миньковских домов была деревянной, многие с наличниками, вырезанными ещё дедами да прадедами. Внутри них, как и полагается в таких случаях, присутствовали сени, чуланы и просторные подполы, стояли русские печи. Всё по старинке, всё по традициям, будто из ветхозаветного прошлого. Да и сами жители посёлка от исконного москвича заметно отличались своей неспешностью, основательностью, мудрой рассудительностью. К каждому дому примыкали земельные наделы, небольшие по деревенским меркам, всего-то соток шесть, изредка восемь, но по столичным понятиям — шикарное дополнение к жилью. Кто огородики свои держал с тепличками и подсобочками, у кого и живность водилась на пример курочек, уток, индюшек да козочек всяких, а кому и поросёнок по силам приходился. Более продвинутые и современные европейскими лужайками довольствовались.

У дядьки Агафона — огородик. Да и как без него, если деток пятеро — две девчонки да три басурмана. Старшей семнадцать, младшенькой два всего, и басурманы от семи и выше через каждые четыре года. А им витамины для роста ой как нужны, да и бюджету послабление, не одна тысяча рубликов экономится. Дядька Агафон — мужик работающий, трезвый, с утра до вечера в трудах праведных, и Устинья — подруга верная, старается мужу подсобить, никакой работы не чурается. От этого и семья что надо, крепкая, дружная, на любви замешанная. А то! Вот как, к примеру, младшенькая вышла. Решил три года назад дядька Агафон Устинью в очередной раз порадовать, отложил кое-какие деньжонки, подкалымленные на частных ремонтах квартир, для поездки к тёплому морю. А в августе, аккурат к концу лета, сюрприз супруге и предоставил — билеты на самолёт и чек на оплату частного домика на берегу. Детей родственникам определили и улетели к морским восходам-закатам. Вернулись через три недели загорелые и счастливые. Друг на друга смотрели, будто только свадьбу сыграли.

— Ох, Агафон, смотри, как бы в пятый раз отцом тебе не стать, — посмеивались друзья, обращая внимание на необыкновенный блеск в глазах влюблённой парочки.

И точно, ровно через девять месяцев теперь уже подарочек от Устиньи подоспел — лапочка-дочка. Агафон на седьмом небе от счастья, детвора сестрёнке не нарадуется, Устинья вся светится. Так и живут.

Нынче у семейства дядьки Агафона большой праздник — Пасха. Средний басурман Прохор священосцем поставлен на вечерней службе. Для басурмана волнительно, для самого Агафона почётно.

— Папа, не пора ли ехать? Уже время вон сколько, — с утра наседали на отца Прохор.

— Да рано ещё, приедем, никого и не будет в храме.

— А если пробки на дорогах? Застранем ведь.

— Какие пробки в субботу, сын? Сейчас вот ещё, может, и есть, а на дачи народ поразъедется — и вовсе пустынно станет, погода-то совсем стьялая, ветер да дождь. Уже апрель, а весны толком не было и нет. Так что не переживай, прибудем вовремя. Лучше пойди уроки на понедельник сделай.

— Я ещё вчера их сделал, пап.

После обеда вся семья расположилась в стареньком минивэне.

— Устюша, яйца, куличи, всё взяла, ничего не оставила? Прохор, не забыл кафтан? Готовы в дорогу? Ну, тогда с Богом! — перекрестился на дорожную иконку дядька Агафон и выжал сцепление.

3

Подполковник Дорошенко с утра был не в настроении, хмур, как московское небо. Да и чему тут радоваться, когда в предпраздничный день, считай на саму Пасху, тебя на дежурство приказом сверху назначают. Ладно бы ещё в кабинете сидеть у телефона, погулять и тут можно, яйцами с подчинёнными побиться, коньячком с замом побаловаться, с секретаршей Валечкой Ерофеевой в удовольствие похристосоваться. Но нет, на улицу определили, как самого отстойного постового. У министерских ни уважения к чину, ни сострадания к человеку. Как только праздники, так у них шило в задницу, бзики сплошные, то проверки, то ответственные мероприятия. Вот и нынче не забыли про рядового полицейского, поздравили, так сказать, очередным рабочим

авралом. Локдаун, видишь ли, мэр объявил, так под это дело тут же и акцию нарисовали — ловить авто, нарушающие режим изоляции в городе. Исключение дачникам и труженикам, остальных к ответственности.

На улице мерзко, погода совсем разнонилась — чуть за плюс. То снег, то дождь с порывистым ветром, холодрыга ещё та, зуб на зуб не попадает. Хорошо хоть за пазухой фляжка с отменным армянским коньячком, но и он ненадолго, по всему видно, согреться подполковнику частенько приходится.

Сделав очередной глоток, Дорошенков взглянул на дорогу и тут же скомандовал старшему лейтенанту, указывая на приближающийся минивэн дядьки Агафона:

— Ну-ка, старшой, тормозни-ка вон ту колымагу.

— Стопори, — передал офицер команду Дорошенкова своему подчинённому.

Машина дядьки Агафона сошла со своей полосы и прижалась к обочине впереди постового автомобиля. Агафон приспустил боковое стекло и, дружелюбно улыбаясь сквозь бороду, обратился к молоденькому сержанту:

— Чего тормозишь, начальник, вроде я не нарушал ничего. С детьми еду, дело ответственное, дорогу под контролем цепко держу, скоростной режим выдерживаю.

— Как не нарушал? — выглянул из-за спины рядового дэпээсника Дорошенков.

— А семь человек в малом пространстве — это что, не нарушение по-твоему? Предписание правительства не читаем, санитарные нормы не соблюдаем, дистанцию не выдерживаем. Документы покажи.

Дядька Агафон, увидев звёзды на погонах подошедшего офицера, улыбку на лице погасил и, глубоко вздохнув, вылез из машины.

— Пожалуйста, — протянул он подполковнику права и свидетельство.

— Почему в салоне семь человек? Сказано же, что больше трёх не собираться. А у тебя друг на друге сидят и все без масок. Настоящий рассадник заразы. Подкальмить решил?

— Какой — подкальмить! Это всё моя семья, жена с детьми. Так что нам дистанцию соблюдать необязательно, все свои.

— Семья, говоришь, — окинул взглядом пассажиров Дорошенков. — Семья — это хорошо, это дело другое. Только вот куда ты её тащишь в такую непогодь? Кино с зоопарками на карантине, музеи тоже, магазины промтоварные не работают. На дачу, что ли? И что там делать собираетесь в такой холод? Детишек не жалко?

Подполковник, поёжившись, приподнял воротник форменного пальто и уже собрался вернуть многодетному папаше документы, как вдруг услышал:

— В храм Покрова Богородицы на праздничную службу едем. Святая Пасха грядёт. Христос воскрес!

Лицо дядьки Агафона расплылось душевной улыбкой, физиономия же Дорошенкова медленно стала вытягиваться, губы сжались в тонкую нить, глаза сузились.

— В какой такой храм? Патриарх же поддержал президента, запретил пасхальные службы для народа проводить во время локдауна, чтобы не провоцировать эпидемию. Церкви не должны принимать верующих, все молитвы дома. Священники служат без прихожан. Или я чего-то не знаю?

— Ну так это ваши церкви не принимают, а наши принимают. И митрополит наш ничего не запрещал, — спрятал улыбку дядька Агафон.

— Какие ещё ваши-наши? Ты что, евангелист какой?

— Нет. Самый что ни на есть православный. Старообрядцы мы.

— Сектанты, значит. То-то я смотрю, больно имя у тебя подозрительное, не наше совсем, — утвердительно кивнул головой Дорошенков.

— Какие же мы сектанты? — обиделся дядька Агафон. — Мы ни в какую секту не уходили. Как были издревле православными, так и остались. Все изначальные традиции и обычаи соблюдаем в полной мере. Может, это вы сектанты? Это ж Никон от канонов ушёл, а наш Аввакум — он и сгинул за правильную веру, не поступился. Да и имя моё настоящее русское, прадедами определённое.

— Но-но мне тут, — лицо подполковника пошло красными пятнами, — поговори-ка ещё, хлыст поганый. Продали Россию вместе с Распутиным, отдали нехристям на поругание и ещё вякают.

— Чегой-то вы, господин офицер, попутали тут совсем? При чём тут Распутин с хлыстами и староверы? Историю знать надо, особенно если при таком звании. Не стыдно чушь нести? — перешёл почти на шепот дядька Агафон, не желая, чтобы его слышали стоявшие чуть в стороне подчинённые подполковника.

— Чего? — побледнел от злости Дорошенков и повернулся к лейтенанту: — Старшой, а штрафани-ка ты его за выезд за сплошную линию.

— Побойся Бога, подполковник, я ж не нарушал ничего, ты же прекрасно знаешь, — опешил Агафон.

— Мне нечего бояться, а вот ты бойся, потому как я сейчас над тобой Бог, и моё слово для тебя — закон. А моя воля такова. Вон там разворот, — указал в направлении дорожного знака Дорошенков, — и крути руль в обратную сторону, хлыстёныш. Домойки вместе со своими хлыстятками, чтоб и духа вашего тут не было, пока я тебя прав не лишил.

Дядька Агафон, получив назад права и штрафную квитанцию, сел за руль и нажал на сцепление.

— Ну, что там? — тревожно посмотрела на мужа Устинья.

— Он не Бог, никакой он не Бог, — проскочил мимо разворота дядька Агафон.

3

— Ах ты, сукин сын, хлыстёныш задрипанный! — с досадой ударил кулаком по капоту патрульного автомобиля Дорошенков. — Ну, погоди у меня, я тебе устрою пасхальную службу! Такую отслужу, век помнить будешь!

4

— Папка, мы успеем? — заёрзал на сиденье Прохор. — Может, газануть побыстрее?
— Никаких газануть! Хватит уже, нагазовались, и так спокойно доедем, не опоздаем.

— Оштрафовали-то хоть за что? — поинтересовалась спустя минуту Устинья.

— За пересечение сплошной полосы.

— Но ты же не пересекал!

— Неважно. У них сегодня очередная акция, надо план давать по нарушениям, вот и подвернулись под горячую руку. Да тут ещё за своего Никона обиделся, хлыстами нас обозвал...

— Опять спорить полез? Ну кто тебя вечно за язык-то тянет? Сколько раз уже говорено — не суйся в чужой монастырь со своими правилами, бесполезная затея, только себе в убыток. И вот опять, — укоризненно посмотрела на мужа Устинья.

— Так а что он нас хлыстами обозвал? Истории не знает совсем, — попытался оправдаться дядька Агафон.

— Слишком ты много требуешь с обычного постового.

— Он не обычный, он подполковник, старший офицер. Он должен знать историю. Знать и понимать.

— Офицер, — скривила губы Устинья. — Какой он офицер, если многодетную семью за ни за что денег лишает? Он обычный злобный неумный карьерист. Офицеры себе такой низости никогда не позволяют.

— А тебе откуда это знать, позволят или не позволят? — усмехнулся в бороду дядька Агафон.

— У меня дед офицером был и отец тоже, забыл, что ли? — обиделась на мужа Устинья.

5

Дорошенков достал из внутреннего кармана фляжку, подержал её на весу, чуток взболтал и полностью влил в себя остатки коньяка. Постояв с минуту в раздумье, он вдруг мстительно улыбнулся и обратился к старлею:

— Ну-ка, дай мне следующий пост по направлению к этой их чёртовой молельне.

— Какой молельне? — не понял подполковника старший лейтенант.

— Ну, на храм их сектантский, Покрова Богородицы, вrede.

6

— Смотри, опять останавливают, — заволновалась Устинья, глядя на машущего жезлом дэпээсника.

— Вижу, — напрягся за рулём дядька Агафон и сбавил скорость.

Постовой медленной походкой подошёл к агафоновскому автомобилю.

— Лейтенант Вышolzов, — представился дэпээсник. — Ваши права, страховку. Куда следуем?

— На праздник Святой Пасхи в храм Покрова Богородицы.

— Выйдите из машины.

— А что случилось, что-то с авто не в порядке? — прикрыл за собой дверцу дядька Агафон, не заглушая движок.

— С вами не в порядке. Вы превысили допустимую скорость при обгоне рейсового

автобуса. Создали аварийную ситуацию, так сказать, — достал из своей папки штрафной бланк дэпээсник.

— Я ничего не нарушал, никакие автобусы не обгонял. У меня пятеро детей в салоне, какое превышение скорости может быть? — возмутился многодетный отец.
— Лейтенант, побойся Бога!

— А чего мне его бояться? Он мне не начальник, премию за тебя не выпишет и с работы за неподчинение не выгонит. А вот подполковник выгонит. Ну, не выгонит, то премии точно лишит, если я тебя не оштрафую. Мне это надо? Так что для меня он и есть Бог. С утра тут торчу на ветру да на дожде, всякие ковиды от таких, как ты, вылавливаю, так хоть компенсацию за эти лишения заработаю. Сейчас оформим нарушение, и езжай себе со своим богом. Но мой совет: лучше назад домой. Если дальше, только хуже будет.

Дядька Агафон молча взял штрафную квитанцию и, садясь в минивэн, тихо пробурчал:

— Твой подполковник не Бог, овца он самая настоящая. А кто ж на овцу молится? Язычники разве.

— Чего ты там? Недоволен чем-то? Повтори, — с угрозой в голосе наклонился к боковому окну лейтенант.

— Ничего. Так, сам с собой разговариваю.

— Во-во, и молчи в тряпочку, целее будешь.

7

Устинья с опаской посмотрела на мужа, лицо которого походило на грозное облако.

— Что, снова оштрафовали?

— Да, — кивнул дядька Агафон, — и предупредили: дальше — хуже. Видать, подполковник что-то пакостное затеял против нас. Что решаем, может, назад вернёмся? Так всю зарплату отдашь, пока доедешь, а то и не одну. Так это в лучшем случае, а в худшем....

— И думать об этом не смей! Мы потом себе этого вовек не простим, да и Прохор тоже, — положила Устинья свою ладонь на мужнино бедро. — Пусть штрафуют, деньги в жизни не главное. Не разоримся, по миру не пойдём, заработаем ещё. Да и не арестуют же тебя, в конце концов. Если хочешь, я за руль пересяду. Со мной они, может, не посмеют так нагличать, всё же женщина.

— Нет, Устюша, — покачал головой дядька Агафон, — я этот крест до конца вынесу. Бог поможет! А то, что ты — женщина, их не тревожит. Они распоряжение своего начальника выполняют, он их Бог.

— Нашли себе Бога, овцу неразумную.

8

Дядьку Агафона ещё несколько раз тормозили дэпээсники и лишали денег под надуманными предлогами.

— Побойся Бога, майор!

— Бога нет.

— Побойся Бога, старлей!

— Бог завтра на Пасху будет, сегодня подполковник командует.

9

Подполковник Дорошенко все детали продумал досконально, всё просчитал. По его плану дядьку Агафона должны были штрафовать на всех постах по пути к церкви, на последнем же задержать строптивца за неисправленные тормоза и сопроводить его вместе с семьёй в ближайшее отделение полиции, а машину отправить на штрафстоянку.

— Капитан, — давал последние указания по радиации Дорошенко своему подчинённому, — как в отделение этих сектантов доставишь, мне сразу доложи, я подъеду потом, понял?

— Так точно, товарищ подполковник!

10

— Папа, мы, н-навверное, точно оп-поздаем, — начал заикаться Прохор, увидев в окне, как очередной дэпээсник стал останавливать их машину.

- Не волнуйся, сын, всё будет хорошо. Бог нам в помощь!
- Господи, за что вы издеваетесь так-то над нами в такой день, креста на вас нет,
- с укоризной всматривалась Устинья в приближающегося офицера.
- Капитан Пономарёв, – отдал честь дэпээсник. – Ваши права, пожалуйста.
- Дядька Агафон молча протянул документы молоджавому офицеру.
- Куда следуем?
- В храм Покрова Богородицы, на пасхальную службу. Сына нынче в священосцы поставили. Спешим.
- Вот как. Церковь вроде старообрядческая?
- Да, православная.
- Ну что ж, не смею задерживать, – капитан вернул права Агафону и отдал честь.
- Для сына праздник великий сегодня. Удачи в первом служении. С наступающей вас Пасхой. Поезжайте с богом!
- У дядьки Агафона аж челюсть отвисла от изумления, да и Устинья сползла по сидению.
- Что смотрите на меня, как на невидаль? – улыбнулся дэпээсник. – Будто чудо увидели.
- Так оно самое и есть. Чудо чудесное, – опомнился дядька Агафон. – И не оштрафуешь даже, просто отпускаешь?
- Что я, не православный, что ли?
- Тоже из староверов будешь?
- Нет. Да и какая в этом деле разница? Все мы одной веры. Христос воскрес!
- Воистину воскресе, капитан, воистину!

11

Подполковник Дорошенко нервно ходил из стороны в сторону вдоль обочины дороги и постоянно посматривал на часы, ожидая сообщения от капитана Пономарёва. Коньяк давно закончился, и холодный ветер делал своё дело, выдувал тепло и последние пары хмеля из начальственного тела. Затувив очередной окуроч, Дорошенко повернулся в сторону сержанта:

– Эй, малой, вызови срочно капитана Пономарёва и рацию мне передай.

Через минуту подполковник выговаривал подчинённому:

– В чём дело, капитан, почему не докладываешь по нарушителю? Сколько я, по твоему, должен ждать? Все сроки уже вышли. Задержал, надеюсь, этого сектанта? Как он там, не плачет отпустить, взятку не предлагает? Или Богом своим пугает? Сейчас приеду, полюбуюсь на этот цирк.

– Я его отпустил, – прохрипела рация.

– Чего?

– Отпустил я их, – повторила рация, – не за что было задерживать. Документы в норме, тормоза тоже в порядке, ехал тихо. Никаких нарушений.

– Чего? – побагровел подполковник.

– Отпустил я их, говорю, – ещё раз донеслось из радиации.

В воздухе повисло тяжёлое молчание.

– Твою мать! – через несколько секунд заматюгался эфир.

А ещё через минуту рация зашипела:

– В понедельник с утра ко мне с рапортом, мля!

12

В понедельник утром капитан Пономарёв вошёл в приёмную Дорошенкова.

– Подполковник у себя? Доложите, мне назначено, – показал он удостоверение секретарше Валечке Ерофеевой.

– А вы что, не знаете? – посмотрела на него покрасневшими глазами Валечка.

– О чём?

– Николая Васильевича вчера вечером арестовали, – всхлипнула секретарша, – за взятку в особо крупном. Говорят, шансов никаких. Беда-то, беда! И главное, прямо на Пасху.

– Господи, – мысленно перекрестился Пономарёв, – видать, Бог к ответу призвал.